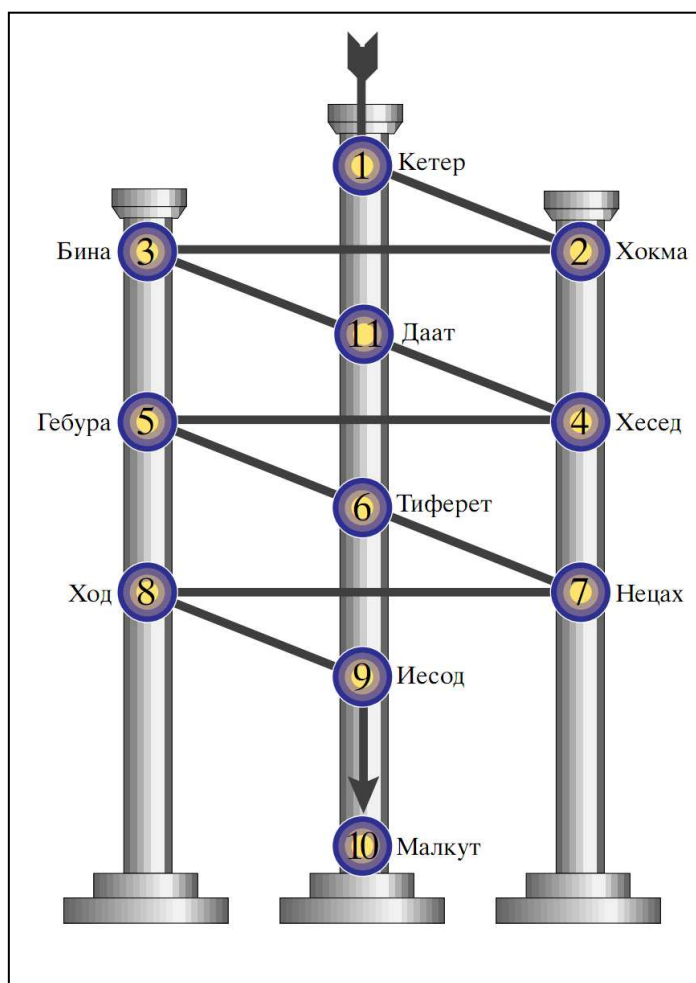

[ГЛАВА 33]

Эпилог

Сефира 11 (сверхномерная). Наименование: *Даат, Знание.*

Топология: *Над пересечением пути от Третьей сефиры к Четвёртой и Колонны Равновесия. Образована невидимым соединением Хокмы и Бины и в то же время является опрокинутым в мир отражением Первой сефиры Кетер.*

План: «Над бездной».

Планетарное соответствие: ♃ *Плутон.*

Зодиакальное соответствие: *Змееносец.*

Имя Божье: [Sans mots].

Гностический символяриум: *(O)Со-знание.*

Первоначально этой сценой заканчивался Роман. Для твёрдой опоры и эстетической завершенности Булгаков приписал:

“Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушёл в бездну,

ушёл безвозвратно, прощённый в ночь на воскресение сын короля-звездочёта, жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат”.

Текст по инерции несётся к последней ударной фразе. В третий и последний раз должен предстать в полный рост “пятый прокуратор Иудеи”, и читатель уже не следит ни за какими действительно малозначащими деталями. Однако многое здесь под экстастику высказывания получилось слишком эскизно, неточно и даже неряшливо.

В четвёртый раз повторено слово *вечный*, правильное чтение его — *постусторонний* затруднено ложным лобовым — *навсегдашний*, что категорически неверно по отношению к финальной участи мастера. Возможность модификации по ту сторону бытия не сразу стала очевидной для автора МиМ, но судьба Пилата, изменившаяся уже в Надземном, подсказала и грядущие перемены в посмертном положении мастера.

Неопределённое “кто-то” неубедительно после чёткой прорисовки заинтересованности Иешуа и Воланда в решении судьбы мастера и его подруги. Да и свобода мистической пары началась ещё в арбатском подвале вместе с “выходом” из-под юрисдикции советской власти и всех земных властей заодно.

И наконец, уход Пилата в “бездну” прямо противоречит его прописанному страницей ранее бегу-восхождению по лунной дороге к Солнцу Правды — Иешуа.

Когда через год Булгаков, перечеркнув этот абзац, стал писать к Роману объёмное Заключение, он поступил в полном согласии со смысловой архитектурой произведения. Две отдельно положенные сюжетные линии Романа требовали сведения в одну точку. Поигрывала потенцией многообещающая реакция от такой встречи-столкновения, и самое главное, Булгаков *увидел*, что произошло на лунной дороге и что на ней прозвучало. Информация эта оказалась ошеломляющей. — Не только для него, *пророка*, но и для всего человечества.

Трясущимися от нетерпения руками он стал разматывать, путаясь в нитях, клубок постфактумных событий. Дотерпеть до главного было очень трудно.

Для начала следовало изъяснить, что же именно произошло. Требовалось ориентироваться на деятельность лубянской “апостолической” команды, но она нарыла совсем немного, притом крайне противоречивого и неопределённого. И, опережая её деятельность, по Москве поползли слухи. Сошлись на определении “нечистая сила”, однако ввиду его крайней контрреволюционности статус официальной версии ему придать не решились. Истолковать же разумно происшествие по фактам тоже не смогли.

К числу последних относились четыре сгоревших здания; среди головешек квартиры на Садовой были обнаружены и обгоревшие кости барона Майгеля. Хотя о бароне никто особенно не горевал, объяснить происшедшее было как-то нужно, а это-то и не получалось в пределах логики. Ибо свидетельства очевидцев выстраивали какую-то совсем уж чудовищную картину. Перед угрозой урона здравому смыслу свидетельским показаниям перестали верить, объявив всех пострадавших жертвами таинственной шайки гипноти-

зёров и чревовещателей, а их фантастические рассказы — следствием массовых галлюцинаций.

Примечательно, что Булгаков в Эпилоге *впервые* вводит себя-повествователя как действующее лицо, причём в крайне важный момент *поездки в Феодосию* (читай: к Максиму Волошину в Коктебель). Это реально значит: всё московски-хохмаческое, убийственно-сатирическое Булгаков имел с собой; всё мистически-высокое, орденски-трансцендентное — получил в Коктебеле. Две половины “критической массы вещества” двигались для соединения, стремясь навстречу Роману и одновременно продираясь сквозь его живое естество. Цепная реакция, или ходьба “по цепи кругом”, была впереди; и учитель и ученик, в равной степени участвуя в мистерии жизни, “сквозь магический кристалл” эзотерики “различали даль свободную Романа” ещё в самых общих чертах. Правда, Волошин уже имел в своих заглавниках Воланд, а Булгаков «Собачье сердце», «Роковые яйца» и «Дьяволиаду».

Во всяком случае, вагонные пересуды могли быть вполне близки обсуждению “чудовищных” происшествий в Москве в результате посещения её Воландом со своей свитой. Иностранцы-гастролёры с громкими именами были в этот момент не редкость (Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор, Бернард Шоу, Андре Жид, Лион Фейхтвангер, Анри Барбюс, не считая не менее легендарных музыкантов и киноактёров) — так что Воландовский карнавал вполне вписывался и в сам по себе фантастический антураж НЭП’а. На примере разъедания слухами, домыслами и вымыслами известных нам “доподлинно” событий Булгаков реконструирует, показывая степень искажения “воспринимающей стороной”, факты Новозаветной ситуации, тем не менее вошедшие на правах хроники в анналы европейской истории. Оправдывая своё предприятие, он исподволь внушает мысль, сколь необходима была такая чистка для тех, кто хотя бы просто не был равнодушен к имени Христа. Более масштабные цели стали вырисовываться по мере создания произведения.

...Столица гудела от только что отшумевших происшествий, словесные портреты для поимки беглецов были разосланы от Москвы до самых до окраин, но реально пострадали одни чёрные коты, которыми буквально забили приёмные милицейских участков.

“Например, в Армавире один из них в чём не повинных зверей был приведён каким-то гражданином в милицию со связанными передними лапами.
<...>

Навалившись на кота и срывая с шеи галстук, чтобы вязать его, гражданин ядовито и угрожающе бормотал:

— Ага! Стало быть, теперь к нам, в Армавир, пожаловали, господин гипнотизёр? Ну, здесь вас не испугались. Да вы не притворяйтесь немым. Нам уже понятно, что вы за *гусь*!”

Хотя *гусь* — это Ханс, да отнюдь не тот “проклятый Ханс”, так блистательно развлекавший скучающего Мессира своими искромётными хохмами. С пойманным спяну животным вышел конфуз, тем более, что вскорости

объявилась и хозяйка кота, некая старушка-хлопотушка. Опять же Армавир не Арзамас, и фокусы с гусём здесь не проходят.

Досталось также псевдооднофамильцам Воланда и Коровьева; ёрничая и пританцовывая, варианты всё дальше удалялись от оригиналов, и никто, кроме нас с вами, об этом не догадывался.

Не пощадили и граждан с примусами в руках: обычный в быту прибор наводил панический ужас на мирное население.

“Было ещё многое, всего не вспомнишь. Было большое брожение умов”.

Главное: для нейтрализации всей этой подлой вылазки контрреволюции были найдены в высшей степени научные, нормальные, логические объяснения, после чего с вердиктом о деятельности шайки гипнотизёров дело было благополучно закрыто и зарыто в куче более актуальных. Рационально растолкованные фокусы шукарей сразу же перестали интересовать досужего обывателя, и происшествие затянулось пеплом забвения.

Правда, некоторые хлопоты доставили исчезнувшие Маргарита Николаевна и Наташа, но решили, что шайка похитила их, предварительно усыпив, для удовлетворения своих необузданных страстей. Конечно, записка, оставленная Маргаритой Николаевной мужу о том, что она уходит в ведьмы, попахивала дурдомом, но чего не напишешь под гипнозом?!

“Но вот что осталось совершенно неясным для следствия — это побуждение, заставившее шайку похитить душевнобольного, именующего себя мастером, из психиатрической клиники. Этого установить не удалось, как не удалось добыть и фамилию похищенного больного. Так и сгинул он навсегда под мёртвой кличкой: «Номер сто восемнадцать из первого корпуса»”.

Многие средневековые мастера унесли с собой своё подлинное имя. Знаменитый европейский живописец Раннего Возрождения известен только как «Мастер мельниц» по знаковому элементу на его полотнах. Неизвестно подлинное имя «графа Сен-Жермена», несмотря на его службу в русской армии.

Ситуационно безымянность мастера сомнительна в аспекте строгости больничного учёта пациентов. Да и Маргарита как-то называла возлюбленного, и по идее мы должны были это слышать. Конечно, автор “романа о Пилате” имеет фамилию, и рукопись, гулявшая по журналам, была подписана...

Но *евангелист* должен быть безымян, и угадчику негоже присваивать объект своего умозрения. Известно, евангелие *чьё*, а *от кого* — не имеет значения. Для нас он навсегда останется в памяти под Воландовским титулом “трижды романтический мастер”. Никто никогда не отважился истолковать это странное прозвание, списывая всё на одну эмоциональность, тем более, что Воланд начинает тираду с просто “мастер”. Да и “трижды проклятая квартира №50” свидетельствует вроде о простом фольклорном усилении определения.¹ Накопать здесь что-то при помощи герменевтики кажется делом безнадежным... И всё же.

¹ В ранних вариантах были ещё “трижды проклятые книги” (6; 364).

Во-первых, мастер романтически неосмотрителен при выборе темы для своего сочинения — она *неподъёмна*.

Во-вторых, мастер безрассудно кинулся на “приманку женщины” — обычную “волчью яму” всех традиционных библейских (и не только) искушений, романтически (читай: *идиотически*) полагая, что на свете есть “вечная и верная” любовь.²

В-третьих, совсем уж безумно мастер пытался опубликовать как один свой тайный роман, так и другой. “Ну... эт-то уж слишком!..”

И всё же в двух случаях из трёх мастер выиграл свою партию здесь, на земле; и только третье оказалось возможным лишь по ту сторону бытия.

Но и третье приложилось достойному.

Вот откуда воландовский словесный венец любимцу и подопечному. “Безумству храбрых поём мы песню”. — В этом случае человек с шахматной фамилией не сфальшивил.

Однако для следствия исчезнувший так и остался “Номер сто восемнадцатый”, а в качестве *причины* притянул за уши “первый корпус”.

Панорамно выхватываются из земного латентного псевдобытия и фигуры других участников событий.

Жорж Бенгальский, ставший объектом всеобщих насмешек, вынужден был уйти *на покой* “и начал жить на свои сбережения, которых, по его скромному подсчёту, должно было хватить ему на *пятнадцать* лет”. Нет, Булгаков не просто язвит, подчёркивая сумму, которую можно, оказывается, заработать занудством, замешанным на наглости и развязности. Указывая на 15-ый аркан, он высвечивает пародийное отражение Покоя мастера (в пределах владений Воланда) в уютном мещанском логовище бывшего эстрадного тигра.

Варенуха после Азazelловых наставлений (на путь истинный) стал вежлив до тошноты; это благоприобретённое свойство вступило, заставляя невыносимо страдать, в непреодолимые противоречия с его, знакомой нам, должностью.

Стёпа Лиходеев, незаменимый, согласно фамилии, в народном хозяйстве, был переброшен почти с Воландовской ловкостью в Ростов, в местный гастроном. Скостив все пакости тех кошмарных дней на портвейн и дамский пол, Степан Богданович перешёл на “водку, настоящую на смородиновых почках, отчего очень поздоровел” печенью. Во всяком случае, сугубо мужской напиток принудил его остепениться и заматереть.

Не вернулся в Варьете и Римский. Пережитое растоптало гордого финдиректора, и он ретировался “в театр детских кукол в Замоскворечье”, чувствуя себя уже папой Карло и не подвергая перенапряжению нервную систему.

² “Маргарита” Елена Сергеевна изменяла покойному мужу как минимум трижды: с Фадеевым, Луговским и Ермолинским, причём первый был из “списка врагов”, а последний даже хотел жениться на ней.

Акустик Семплеяров оказался, согласно вѣдѣнию партии, нужнее на грибозаготовках в Брянске — нечего было брякать неуместную ахиною насчёт *разоблачения*; теперь жизнь ближе к *облакам* утешает незадачливого Аполлоновича, ныне — мухогета.

Никанор Босой, и до того посещавший театр лишь на халяву, после «Скупого рыцаря» завязал с лицедеями напрочь, а от имени Куролесова его трясло и подташнивало. Досталось на орехи и метису Белкину с Тверского бульвара, и... Впрочем, и Колонный зал, и представления в нём почтенному домоуправу просто приснились, да опасался Босой, что сон окажется в руку, на которую был нечист.

Единственным, на кого чары Мага не подействовали совершенно, остался непотопляемый Алоизий Могарыч. Ни малейшего следа не запечатлелось в его памяти о мистическом приключении в субботнюю ночь, и он не упустил вакансии в театре Варьете после ухода Римского. Так что у Варенухи появился кошмар не легче предыдущего, но в отличие от того не кончающийся, кажется, никогда. По месту поселения в Брюсовском переулке прилипчивый, как насморк, Могарыч соотнесён Булгаковым с Мейерхольдом, жившим там в шикарном, свежестроенном актёрском доме, где и окопался новый финдиректор. Владение Могарычом “чёрной” магией Якова Вилимовича, судя по этой фантастической траектории, несомненно.

“Да, прошло несколько лет, и затянулись правдиво описанные в этой книге происшествия и угасли в памяти. Но не у всех, но не у всех!

Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это — сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Понырѣв”.

Только теперь мы вплываем в суть и смысловое задание Эпилога. Лёгкое дефиле предыдущих перечислений было всего лишь отвлекающим манѣвром, как бы удовлетворяя простодушной потребности в развязке. Из тени должен был появиться реципиент, чтобы воспринять самую феноменальную информацию. И он не замедлил.

Метаморфоза Бездомного не выходит за пределы обыденного. Это почти один к одному судьба Ивана Старцева³, ставшего в одночасье из заливчатских подьесенинщиков-имажинистов почтенным библиографом и историком книги. Подобную эволюцию проделали многие в то время. Неотѣсанные дубины отѣсывались потихоньку, а невежество, потакавшее юношескому напору, уступало место знанию и осведомленности, урезонивавшим наглость и предоставлявшим поле более благородной деятельности.

Любопытно, что малограмотный выдвигенец через “несколько лет” уже предстаёт в звании профессора, следственно, речь идёт о так называемой “красной профессуре”, созданной режимом методом насильственного экс-

³ Старцев И. И. (1896—1967). В «Записках на манжетах» упомянут под фамилией Скарцов. Он мелькнул в жизни Булгакова в момент работы в ЛИТО.

терната и “щадящей экзаменационности”. Ни на какое апостольское служение заветам мастера или, тем более, Иешуа Га-Ноцри нет ни малейшего намёка. И здесь после космической встряски зеркало души и сердца затаилось ряской заурядности, категорически враждебной Небесам.

“Ивану Николаевичу всё известно, он всё *знает* и понимает. Он *знает*, что в молодости он стал жертвой преступных гипнотизёров, лечился после этого и вылез. Но *знает* он также, что кое с чем он совладать не может. Не может он совладать с этим весенним полнолунием. Лишь только оно начинает приближаться, лишь только начинает разрастаться и наливать *золотом светило, которое когда-то висело выше двух пятисвечий*, становится Иван Николаевич беспокоен, нервничает, теряет аппетит и сон, дожидается, пока созреет луна. И когда наступает полнолуние, ничто не удержит Ивана Николаевича дома. Под вечер он выходит и идёт на Патриаршие пруды”.

Характеристика Воланда и его свиты совковым вердиктом “преступные гипнотизёры” полностью списывает “профессора” с толпой, питающейся газетными помоями и даже не пытающейся самостоятельно осмыслить события и факты. Уже в этом Иван как личность абсолютно отделен от мастера и реальный нынешнего “бытия” бывшего соседа. Ни о каком *ученичестве* речь идти не может, более того, сам Институт, где служит Иван, — это бастион атеистического обскурантизма на пути света Истины, льющегося на землю. Мещанская успокоенность на уровне сознания обнаруживает в нём законченного совобывателя без всяких проблесков, выплесков и прочей “интеллигентщины”.

Однако щель в подкорке осталась. Животный лунатизм даёт шанс на трансую вменяемость для потустороннего при остаточном проявлении болезни. На это единственный расчёт Высших Сил. Понурый Понурёв, от чьей богемной разухабистости не осталось и следа, следует в великое полнолуние по следам былых приключений “с пустыми незрячими глазами”, сматывая ариаднову нить чрезвычайного в своём убогом бытии. Его магнетически тянет к известному нам готическому особняку.

“Профессор *не знает*, что влечёт его к *решётке* и кто живёт в этом особняке, но *знает*, что бороться ему с собою в полнолуние не приходится. Кроме того, он *знает*, что в саду за *решёткой* он неизбежно увидит одно и то же”.

Символика сефиры Даат прописана с предельной тщательностью. Она появляется в тексте как “золотое светило, висящее *выше* двух пятисвечий”, а гностическое содержание явлено методичным шестикратным (!) повторением слова *знает* с подтекстом пародийно-трагического соответствия аркану *Возлюбленный*, которому Иван подобен лишь номинально.

Крайне важен и эзотерический смысл *решётки*, на всякий случай повторенной дважды, — воскресение и вознесение мастера и Маргариты фиксировано этим символом-знаком, проверяющим пришлецов на состоятельность их *знакомства* с героями повествования.

Решётка *примагничивает* “Ивана травоядного” (он же — *козлёночек* сказки), не помнящего ни родства, ни знакомства. С абортированной памятью, с выскобленной под нуль индивидуальностью, он лишь *гальванизирует*, как отрезанная лягушачья лапка, на прикосновение кислотой лимона луны.

Текст течёт дальше, и *решётка*, появляясь ещё трижды, начинает намекать на *пятое измерение*, а ещё одно *знает* переводит наше внимание на настоящего Возлюбленного, в атмосферу Большой Медведицы и Полярной Звезды.

Во дворе готического особняка Иван видит свинообразного господина с бородкой и в пенсне, вздыхающего по некой утраченной навек “Венере”. Кроме нас некому узнать в нём “перевозочное средство”, *борова* Николая Ивановича, заодно вспомнить и *Боровицкие* ворота в Александровском саду, и *воробушка* профессора Кузьмина, нагло отплясывавшего контрреволюционные танцы.

Иван, как ни напрягается, не может выяснить тайну потери “старого осла и кретина”. “И возвращается домой профессор уже совсем больной”.

“Его жена притворяется, что не замечает его состояния, и торопит его ложиться спать. Но сама она не ложится и сидит у лампы с книгой, смотрит горькими глазами на спящего. Она *знает*, что на рассвете Иван Николаевич проснётся с мучительным криком, начнёт плакать и метаться. Поэтому и лежит перед нею на скатерти под ламой заранее приготовленный шприц в спирту и ампула с жидкостью густого чайного цвета.

Бедная женщина, связанная с тяжело больным, теперь свободна и без опасений может заснуть. Иван Николаевич после укола будет спать до утра со счастливым лицом и видеть неизвестные ей, но какие-то возвышенные и счастливые сны”.

Гностическое “голосоведение” Булгакова просто феноменально. Восьмое *знает* принадлежит *жене* Понырёва и соответствует женскому аркану *Правосудие* (Фемида), появляющемуся после четырёх подряд мужских арканов! Мало того, весы Фемиды в этом случае становятся аптечными весами со знаковой символикой *дозы*, а колющая структура меча выражена *иглой* шприца с одновременным отсылком к стреле-указателю весов же.

И это не всё. Булгаков не пропустил ироническую переключку нескольких немецких слов, сгруппировавшихся вокруг естественного вроде бы *шприца*: это собственно *Spritze* от глагола *Spritzen* — брызгать, прыскать; *Sprit* — спирт и *Spritz(bube)* плут, от прилагательного *spritz* — острый. Мгновенно из всей этой чехарды появляется *немец*-консультант, а за ним и его буффонный кот, некогда так потрясший Ивана, *прыскающий* от хохота *плут* и *остряк* — “примус” демонической иерархии.

Так что полинявшему недотёпе остаётся только дёргаться во сне, плача от вида “безносого палача” (читай: Смерть), добивающего разбойников на Голгофе.

“Будит же учёного и доводит его до жалкого крика в ночь полнолуния одно и то же. Он видит неестественного безносого палача, который, подпрыгнув и как-то ухнув голосом, *колет* копьём в сердце привязанного к столбу и потерявшего разум Гестаса. Но не столько страшен палач, сколько неестественное освещение во сне, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, как это бывает только во время мировых катастроф.

После *укола* всё меняется перед спящим.⁴ От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне. Рядом с ним идёт какой-то молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чём-то разговаривают с жаром, спорят, хотят о чём-то *договориться*”.

Раствор, порождающий в утлом организме Ивана сладкую “чай-буддистскую” умиротворённость, есть *жид-кость*, прощальный потусторонний привет Берлиоза, ставшего, как мы помним, в определённый момент седьмым доказательством бытия Божия и это доказательство ему вновь и вновь предъявляющего. Похоже, “жидкость” эта — чай с несостоявшегося заседания Правления Массолита. Потому Иван идентифицирует себя только после *укола*.

Видение, в котором он каждый раз растворяется в блаженстве, не сюсюкает и не миндальничает с ним в адаптационном косноязычии. Оно простирается, как тоннель, к сердцевине Надземного, вмещая в себя всё самое главное и самое сокровенное мира. Сознание Ивана — только экран; на нём разворачивает повествователь видеотрансляцию оглушительных, феноменальных событий. Автор репортажа, безусловно, является *мастер*.

“— **Боги, боги!** — говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще. — **Какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, — тут лицо из надменного превращается в умоляющее, — ведь её не было! Молю тебя, скажи, не было?**

— **Ну, конечно, не было, — отвечает хриплым голосом спутник, — это тебе померещилось.**

— **И ты можешь поклясться в этом? — заискивающе просит человек в плаще.**

— **Клянусь!** — отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются.

— **Больше мне ничего не нужно!** — сорванным голосом вскрикивает человек в плаще и поднимается всё выше и выше к луне, увлекая своего спутника. За ними идёт спокойный и величественный гигантский *остроухий пёс*”.

Эти *пятнадцать* строк — высшая точка Булгаковского Откровения, Евангелие Второго Порядка, Новое Слово, сведённое с небес. Недаром оно далось ему ценой жизни, но и сейчас, в перспективе времени, мы говорим: *Михаил Афанасьевич, вы не прогадали в этом обмене!* Это Воландовский дар нам, землянам, от имени Иешуа Га-Ноцри. Но! Из чистого *милосердия* — или по *справедливости*?

В этом-то всё и дело.

Попробуем разобраться.

⁴ Не названная впрямую *игла* шприца, которая *колет* в этом случае, в отличие от сцены из «Бега», — это венец и апофеоз **темы иглы**, проходящей через всё творчество автора МиМ. Игла в Романе появляется на первой же странице.

Воскресение Иисуса, по поводу которого было сломано столько полемических копий, обсуждается, как и вся фигура Христа, всегда *снизу*, то есть **неадекватно**. Перелопачивать опять всё снова-здорово *бессмысленно*; это значит “громоздить Осу на Пелеон”, что не может окончиться ничем, кроме грыжи пупа. Надо отталкиваться от высшей точки эзотерической христологии; этой точкой является великий зачин Евангелия от Иоанна. Именно так и поступил Булгаков.

Высказанные у Иоанна максимы следует принять как априорную истину и строить гностическое здание от этих фундаментальных соображений. *Только тогда* есть шанс достигнуть некоего **уровня**, категорически необходимого для *правильного* понимания и освещения фигуры Иисуса из Назарета. Если «Слово было Бог» и затем «Слово стало плотью и поселилось среди нас», то гадать судорожно: воскреснет — не воскреснет? — бессмысленно. Устраивать “пляску святого Витта” вокруг событий последних глав всех четырёх евангелий — значит демонстрировать изначальное неверие в информацию великого зачина. Если имело место божественное наполнение плоти Христа, то не «воскресение» должно удивлять, а сама возможность смерти, потому как *смерть* и *Бог* — “две вещи несовместные”, не правда ль? Трансцендентная структура Планетарного Логоса позволяла Ему распорядиться своей земной материальностью *как угодно*: исчезнуть — и появиться вновь; стать невидимым — и сохранить присутствие; перелететь по воздуху, соблюдая целостность организма; расщепиться на атомы — и собрать себя вновь в другом месте и т. д. По силам Ему и сделать небывшее — бывшим и бывшее — небывшим.

При профанном чтении так вроде оно и получается, хотя “ваш хитрый прищур, Розенкранц-и-Гильденстерн, говорит об обратном”. У толпы создано впечатление за последние две тысячи лет, что боги приходят на землю только для того, чтобы их убивали. — Разными способами, “в виде эксперимента”, с тайной мыслишкой, что, вообще-то говоря, им — не больно. И что от их бессмертия — не убудет. — А *проверка* (“доверяй, но проверяй!”) необходима, чтобы не дурили нас, доверчивых, всякие прохиндеи.

Что говорить о Христе?! Он парадоксален — и определён; нарушает все нормативы — ибо Сам является *Нормой*; делает относительной любую истину — ибо Сам есть *Истина*; манипулирует правдой по собственному произволению — ибо суть *Солнце Правды*.

Поэтому пропагандистский атеизм “совка” — нелепость, недоразумение и серьёзному обсуждению не подлежит. Тогда как двухтысячелетнее помрачение землян, поистине, необъяснимо. Поклоняться позорному столбу, целовать орудие казни!.. Каков же будет следующий логический шаг: канонизация палачей и агиография костоломов? Памятник изобретателю креста и мемориальный музей гвоздодела? Город, названный в честь сплетшего терновый венец, и звёзды имени бичевавших?

Ведь и теперь остервенело растаскивают “святыни” на реликварии и мощевики только с мыслишкой излечиться дуриком от всего сразу. Особенно усердствуют потомки “отличившихся” — эти в первых рядах. — И тогда, и сейчас.

Понятно, что участь цивилизаторов-атлантов — быть съеденными “из большого уважения”.

Ну, а что *aborigены*? Не скука ли с ними, “съевшими Кука”, возиться Высшим Силам?

Вспомним, что *язычество* — это высунутый язык нашкодивших: вот, мол, все мы тут, и с нас взятки гладки.

Приход Планетарного Логоса на Землю — слишком ответственное дело; такими персонами — не разбрасываются. Правда, Он сам, Агнец Божий, с генетической памятью кровавого побоища эпохи Овен⁵, почти не рассчитывал на нормальный исход; и вот молитва в Гефсиманском саду... это была уже робкая надежда на зрелость рода человеческого с мягкой апелляцией к Отцу Небесному. В игровом смысле просьба прозвучала отнюдь не нелепо и не имела в виду “спрятаться за спину”. На карту оказалась поставлена судьба цивилизации на земле; и экзамен был — *не Ему*, а только нам, т. е. носил односторонний характер. **Он, заодно с Отцом, испытывал нас**, а мы, идиоты, пишем книги о *Его* поведении до, после и во время казни! И никогда о себе! О эта мнимая правота большинства и безнаказанность огромных количеств!

Слава Богу, что человечество неоднородно и что есть «штучники», а не только одни трусливые рабы и наглые негодяи. Планетарный Логос ещё не успел появиться на свет, а слух о Нём уже разнёсся по всем концам Ойкумены и в сретение Царя Мира пустились цари-волхвы, представители трёх континентов. Предание сохранило их имена: Каспар, Балтазар и Мельхиор. Так что Христос с первых дней появления на земле не был одинок, заброшен («Бегство в Египет») и затравлен («Избиение младенцев»), как кажется на неискушённый взгляд. Более того, на всех этапах развития Он находился под пристальным вниманием не только волхвов, но и интеллектуальной элиты региона, тайных (или полуполюгальных) обществ, взявших Его под свою опеку. Духовные общины ессеев, терапевтов, назареев⁶ и гностиков следили за каждым шагом Царя Мира, «равняли почву под стези Его», старались направлять и поддерживать. Судя по всему, юные годы Иешуа (как и Иоанна Крестителя) прошли в обучении у *ессеев*; не менее вероятно и стажирование у *терапевтов*, памятуя о необыкновенном врачебном мастерстве молодого пророка; принадлежность к общине *назареев* фиксирована традиционной иконографией, имеющей, наверняка, историческое обоснование (прямой симметричный пробор, раздвоенная борода). Если же учесть, что зачин Евангелия от Иоанна не случайно представляет слегка подредактированный *гностический* гимн, то панорама предстаёт во впечатляющей полноте, хотя и не исчерпывает всех эвристических совершенств Аватара. Есть в Его учении и египетские элементы (это особенно подчёркнуто у Булгакова); соотнесено мировоззрение

⁵ В эпоху Овен (≈ 2160—1 гг. до н. э.) приходило огромное количество посланников Небес — аватаров, почти все были истреблены «овцами», «пастырями» к которым они были приставлены.

⁶ Закрываем как ошибочную традицию написания слова назареи через «о» («назо-реи»). См. Блаватская Е. П. Теософский словарь. М., 1994; 301.

Иешуа и с наследием Будды, а многозначительный консонанс *Христос* — *Кришна* подсказывает и индуистские параллели в проповеди плотника из Галилеи. Недаром за Бхагават-Гитой устойчиво закрепилось наименование «Евангелие индусов», и это не просто метафора.

Во всех философских училищах Ближнего Востока и Средней Азии ждали великого Ученика; с раннего возраста работа с Ним учителей-есеев носила характер огранки и шлифовки, а не педагогического “накачивания”. Состязание с книжниками в храме — только один эпизод полемических приключений юного глашатая истины. Иудейские мудрецы уже тогда “положили на него глаз”, и совсем не табуретами зарабатывал себе на жизнь человек такого масштаба. Да и вполне ли *человек*? Ещё волхвы посеяли среди людей мессианские от него ожидания, а рассчитывавший на вполне реальное восприятие фигуры «Спасителя» корпус текстов Нового Завета насыщен таким невероятным количеством чудесного, что сам же и создал основу для возникновения впоследствии «мифологической школы». В этом смысле повествование Канона ничем не отличается от традиционных волшебных повестей Востока со всеми привычными для данного жанра атрибутами.

Солидность и основательность оригинала в случае Иешуа заставляет продираться к подлинности, снимая мишуру сусальной позолоты, изготовленной в своё время политиканами от культа специально под вкус толпы с полным игнорированием интересов самого *главного героя*. Никто так не оболган в мире, как само Солнце Правды, и эта ложь, упирая на свою якобы плюсовую заряжённость, особенно нагла и беспардонна. Более того, как утверждает Великий инквизитор, даже имя Его уже не принадлежит Ему самому, а является элементом определённой пропагандистской машины. Вот почему Его повторный приход на Землю не только нежелателен, а прямо-таки недопустим, особенно из-за попраiania попсовых парсунных эталонов. “Слишком правдиво!” — это сказал не кто-нибудь, а папа Иннокентий X по поводу своего портрета кисти Веласкеса. Но ведь Христос — это всегда “слишком” по земным меркам и нормам; новое Его явление — это прежде всего грандиозная демистификация всего, связанного с Его именем, изгнание спекулирующих на Нём паразитов.

К счастью, есть и *хранители* — не только священного знания, но и правдивой информации о Нём. Среди них Он некогда возростал, мужал и совершенствовался.

Согласно одной из эзотерических легенд, основанных на свято хранящемся предании, «искушение Христа в пустыне» — это экзаменация, которой подверг Иисуса есей со стажем Иоанн Креститель после знаменательной встречи на Иордане (визуально памятной нам по картине А. Иванова «Явление Христа народу»). Вполне естественно, что не видевшиеся долгие годы единомышленники и братья уединились для важного обоим общения и обмена орденской информацией (вспомним, как позже проделывали то же их ученики), а также для отработки стратегии и тактики в проповеди и учении. В логике общего отношения лодырей-профанов к *экзаменатору* не удивительно, что Иоанн зафиксирован в Каноне под титулом Сатанаила, тем более

что устойчивое название Крестителя «Ангел пустыни» почти тавтологически близко к определению «Демон пустыни», закрепившемуся за Азезелем (т. е. Булгаковским Азазелло). Тогда сразу оправданным становится пост, обычный перед *посвящением*, и сама *добровольность и целенаправленность* этой акции Иисуса, не получившей до сих пор от экзегетики никакого мало-мальски разумного истолкования. Повторные попытки экзаменации от “младших по званию” встречают с Его стороны достойный отпор: Пётр в этом случае прямо назван «сатаной», причём уже в уничижительном смысле. Напомним, что неискажённая реплика во время «искушения в пустыне» звучит иначе и по смыслу, и по тональности: «Иди за мной, сатана», хотя текстуально она и равна инвективе, адресованной Петру. “Экзаменационные вопросы” Иоанна Иисусу носили сугубо ритуальный характер (на формулу вопроса должна звучать чёткая формула ответа), это явствует из того, что Христос первой своей «отповеди»⁷ не следовал: превращал “два хлеба и пять рыб” в множество и того и другого, воду — в вино и т. д. То же можно сказать и о втором «искушении» — *чудом*: “воскрешения”, “исцеления” и “изгнания бесов” демонстрируют обратное сказанному.⁸ Ибо мир сей релятивен по сути, и без обмана — хотя бы в виде мимикрии, дипломатии, врачебной и военной тайны — здесь не обойтись. Отсюда и понятие «ловец человеков», включающее в себя полный набор ловецких хитростей. Задание быть «абсолютно безгрешным», с *одной* стороны, и не слишком выделяться из человеческой (и даже *этнической*) среды — с *другой*, приводило к поведенческому и проповедническому парадоксализму, политике двойных стандартов (понятия *мягкой* и *твёрдой* пищи), бесконечной апелляции к «штучникам»: «Много званых, но мало избранных», «Имеющий уши — да слышит», «Входите тесными вратами» и т. д.

И нужно было на земле *Его личное присутствие*, чтобы каждый раз **по Нему** сверять *направление движения, правильность вывода и положение точки отсчёта*. Он — *вода* как воплощение антропного принципа («Сын человеческий»), но Он и *огонь* — «Огонь вбросил Я в мир и как бы хотел, чтобы он уже разгорелся». Он — *мир* («блаженны миротворцы»), но Он и *война* — «Я в мир принёс не мир, но меч» (в Евангелии от Фомы: «Может быть люди думают, что Я пришёл бросить мир в мир, и они не знают, что Я пришёл бросить на землю разделения, огонь, меч, войну»). Прimitив, которому нужны арифметически простые и ясные инструкции, запутывается в этой высшей математике и «мудрости богов», разной в выражениях, но неизмен-

⁷ “И подойдя, искунитель сказал Ему: если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии следались хлебами. Он же ответил: написано «Не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»” (Мф 4, 3-4).

⁸ “Тогда берёт Его дьявол в святой город, и ставит Его на крыло храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; написано ведь: «Ангелам своим заповедует Он о Тебе», и: «На руках понесут Тебя, чтобы Ты не преткнулся о камень ногою Твоею». Сказал ему Иисус: написано также: «Не искушай Господа Бога твоего»” (Мф, 4, 5-7). В ранних вариантах Булгаков разыгрывал эту сцену.

ной в своей сердцевине; простолудин представляет из себя нечто прямо противоположное Планетарному Логосу: одеревенелый раб привычки, вечно имеющий на кого-то “сердцов”⁹ и “булькающий” по этому поводу.

И всё-таки *верные* — не подвели. Отец Небесный, желая избавить Иисуса от смерти, мог рассчитывать только на них, *хранителей* и *рыцарей*: прямое вмешательство означало космическую катастрофу под вердикт полной несостоятельности человечества. Судя по всему, *лучшие* — сдюжили. У Иешуа Га-Ноцри *уже тогда* были “поклонники” — таково правдивое свидетельство МиМ. Они, сплотив свои ряды, просто **не могли проиграть**.

Обычная ошибка профанов в том, что они, априори считая Иисуса обычным человеком (“как все”), судорожно пытаются найти “черты” и “факты”, какие бы оправдывали Его неестественно высокое положение *объекта всеобщего поклонения* в панораме человеческой истории. Они и вцепились в сюжет «воскресения», соорудив вокруг него бойницы своих культовых бастионов. Значит, содержание Вступления Евангелия от Иоанна прошло мимо их сознания, не зацепив своей прямой информативностью: экстраординарное для землян является заурядным и рутинным на Небесах. Трансмутация и трансфигурация, левитация и телепортация — сенсационно («Христос воскрес!!!») лишь для посюсторонников.

Гностические проблемы и эзотерические вопросы по поводу пребывания на земле Планетарного Логоса всё-таки существуют, и бережное (но не “охранительное”!) отношение к объекту исследования позволяет не только ставить их (т. е. *обнаруживать*), но и решать.

Во-первых, до какой степени “кожаный костюм”, т. е. *тело*, было “измазано” им во время рабочих процедур на земле? Следовало ли *сбросить* его, как малярный комбинезон, или оно могло трансмутировать вместе с божественным содержимым?

Не исключено, что Он, *Агнец Божий*, вынужден был — из адаптационной эквивалентности ученикам — разделять их обычную трапезу и во время «Тайной вечери» есть традиционного, *непременного* «пасхального агнца», а это уже взрывное противоречие и убойный контраст. Но учил Он их *хлебу* и *вину* взамен *крови* и *плоти*, хотя ещё со времён Авраама пастухи-евреи не считали животных (овец, коз и коров) за равные (в убойном смысле) человеку существа, — эпизод с подменой Исаака в «жертвоприношении Авраама» это ярко демонстрирует. В этом смысле причащение Иуды *хлебом с солью* крайне многозначительно: обычно лепёшку с завёрнутыми внутрь «горькими травами» окунали в мясной сок из-под ритуального блюда. Конечно, Христа за счёт Его *особой структуры*, трудно представить сытно и много евшим. И если имела место ситуация *Агнца поедającego агнца*, на что отчасти намекают «Блажен тот лев, которого съест человек, и лев станет человеком» (Фома, 7) и каноническое «Не то оскверняет человека, что входит в уста, а то что из них выходит», — то сброс осквернённого тела должен был произойти, для чего необходимо было зайти (ненадолго) *за* порог смерти.

⁹ Народная мудрость поясняет сурово: *Ваше сердце — говно с перцем*.

Что же из двух?

Христианская церковь, освятившая мясоед, говоря о «Едином Безгрешном», судя по всему, не принимает это в расчёт. Парадоксализм Христа, перенесённый в структуру социального института, стал фарисейством, утратив Его качество воплощённой Истины, позволявшей себе — по ситуации — быть не всегда абсолютной, а часто и педагогически относительной.

Но на то *лучшие* и *лучшие*, чтобы, с одной стороны, не принуждать Учителя к двусмысленности и релятивизму, заботясь о Нём *более*, чем Он о себе, а с другой — стоять на страже *достоинства человека*, которое не должно быть втоптанно в грязь. Вот почему в “день 14-го нисана” *не Иешуа* нужно было отличиться; нам, людям, следовало не утратить человеческого образа и не превратиться в свиней.

Ставить же эксперименты над Планетарным Логосом, вгоняя ему гвозди в запястья, мол, если “самозванец” действительно Сын Божий, как утверждает, то *воскреснет*, — нельзя! — недопустимо!

И *главное*: что значит «воскреснет»? По описаниям в финалах канонических евангелий, «восстание из мёртвых» есть простая *реанимация* и ничем не отличается от таковой в случае с Лазарем и дочерью Иаира. При *воскресении* же происходит полная трансформация организма (как в Преображении на горе Елеонской), и тогда дальнейшее нахождение Христа на земле является фантомным, воландообразным, фиктивным (исходя из агрегатных параметров мира сего). Это явления, а не *присутствие*; например, Воланд *присутствует* только для своей свиты, во всех остальных случаях он *является*.

Между тем Иешуа описан в Каноне полностью вернувшимся к своему *прежнему* состоянию, что фиксировано сценой вкладывания Фомой «перстов в рану». Изменившийся внешний облик связан с претерпеванием во время казни (у Булгакова это “разорванный хитон”, “обезображенное лицо” и “хриплый голос”) — немудрено, что ученица путает его с *садовником* (Ио 20, 15). Малозначащая вроде бы деталь на самом деле вводит в эпицентр тайны. Садовник — это Симон Киренеянин, работавший в саду у Иосифа Аримафейского. Приведённый в чувство стараниями Иосифа и Никодима Иисус, видно, был одет в одежды Симона-садовника, оттого Мария и обозналась в полутьме.

То, что общение с учениками стало по выходе из гробницы редкостным, свидетельствует лишь о перемещении интересов Иисуса в круг совсем других людей (Волхвы, Абгар, Иосиф Аримафейский, Лазарь и т. д.). Характерно, что Иоанн, говоривший о Христе, как никто, высоко («Логос», «у Бога», «Бог»), ни словом не обмолвился о «вознесении» (как и Матфей). Кстати, Матфей употребляет для описания события слово «восстал» (у Иоанна: «Лазарь, которого Иисус *воздвиг* из мёртвых»). Тогда как «воскресение», по определению Христа, есть переход в *жизнь вечную*: «Я есть воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, будет жить. И всякий, кто жив и верит в Меня, не умрёт вовек» (Ио 11, 25).

Этому понятию более всего соответствуют мастер и Маргарита в трансцендентном состоянии. Воскресение — есть обретение *нового* качества, а не возвращение к *прежнему*. Новый уровень сознания и знания после прохож-

дения экзамена у Воланда потребовали изменения материальной агрегатности, а не возвращения к “разбитому корыту” посюсторонности, пусть и обставленной подвальным уютom.

Планетарный Логос во плоти имел возможность избрать любой вариант “послеказневого” состояния; но что Он имел в виду попуская, а по Канону даже провоцируя, самоё *казнь*? Разговоры об «искуплении» в профанных обсуждениях носят бессмысленный характер. — У когó *выкупать*, если в небесах нет альтернативной власти в силу действительного *всемогущества* Творца? Кроме того, купленное не значит *перестроенное*, и последующая история человечества это ярко продемонстрировала.

Таким образом, возиться с недостойными предателями дальше просто не имело смысла, а духовная аристократия («избранные») должна была подтвердить свой высокий статус в ходе событий, связанных с арестом Христа. В наибольшей степени это орденское испытание коснулось Пилата, к нему сошлись все нити борений за жизнь Иешуа между *свиньями* (во главе с Синедрионом) и *обладателями перлов*, а сам “бродячий философ” был призом победителю. Если *свиньи*, совершив величайшее в истории преступление, могли и дальше похрюкивать как ни в чём не бывало, то о какой *рыцарской чести* могла бы идти речь, проиграй они, *рыцари*?! — В спасении Спасителя нельзя было спасовать. И они сдюжили. — На падающем флажке.

Любопытный факт: так называемое бичевание Христа (как установлено было при детальном изучении Туринской плащаницы) имело целью ввести его в бесчувственно-отключённое состояние, чтобы не испытывал боли от дальнейшего (в старину наркоз при операциях достигался ударом деревянной киянкой по голове). Что касается издевательств (заушения, терновый венец, перебитый нос), то Пилат до последнего рассчитывал на удовольствие еврейства жалким видом пророка («Се человек») и снисхождение к осуждённому.¹⁰ Он просчитался. С другой стороны, заушения с ёрническим «прорекí» солдатни, ни о чём не догадывавшейся, должны были (при наличии синедрионских осведомителей) служить дополнительным камуфляжем для участников заговора по спасению Христа.

Не может такого быть, чтобы во время всего происшествия **никто** не дёрнулся *во что бы то ни стало* спасти Иешуа от чудовищного по несправедливости и бандитской безнаказанности убийства — это означало бы бесчестие для всех и вся вокруг Него без исключений и оправданий. Тогда бы, провалившись на главном экзамене своей истории, *человечество не имело права на дальнейшее существование*. Ведь проверка установила бы — *свиньями* являются ВСЕ.

И то, что история продолжается — верное доказательство, кто выиграл в битве за Иешуа. И — “*не все*, — сказал Финдлей”.

Кстати, факт, что не ведомые никому эпизоды драмы, происходившие в претории, стали известны евангелистам, свидетельствует: рассказаны были они хронистам самим Пилатом (или его женой).

¹⁰ Речь шла о своего рода “возмещении морального ущерба” за погром в храме.

Далее. З а ч е м надо было возвращаться в прежнее состояние, если *все*: “ученики”, “благодарные слушатели”, излеченные Им пациенты — все до единого отказались от Него, бросив на произвол властей, и разбежались, спасая свою шкуру? Стоили ли они Его повторного пастьерского назидания, когда сделались “шёлковыми” лишь покорённые *чудом*, т. е. тем, от чего Он сам демонстративно отказался в пустыне?.. — Вопрос риторический.

Так что “серия вторая” — в результате ли исцеления, реанимации ли — должна была происходить в совсем иных декорациях и среди других действующих лиц. Да и *другие* должны были *з а с л у ж и т ь* это, а не быть облагодетельствованы, как бараны, методом насильного “десантирования”. Планетарный Логос слишком драгоценное существо, чтобы об Него так беспардонно “вытирать ноги”.

Да, Римская империя погибла, что значит — ни одно заушение косто-правов не прошло незамеченным.

Да, Иерусалимский храм был разрушен, а евреи размётаны по свету, что свидетельствует — подлость Синедриона была отмщена.

Но остальные, остальные-то неужто остались ни при чём? Разве не на *чуде*, *тайне* и *авторитете* покоится вся власть церковников, как гениально показал Достоевский? Не потому ли они придумали страхолюдную рогатую мишень, чтобы отвести от себя малейшие подозрения в неблагожелательности? *Отвлекающий манёвр* — известный приём в манипулировании массами. Да, только *теперь* стараниями Пушкина, Достоевского и Булгакова доподлинно стало известно, кто есть кто. И стремление внаглую “приватизировать” Христа, поставив кассу для сбора денег за осмотр места Его казни — не пройдёт. Всё — “кончай базар” — *не было казни, не было!*

Был в е л и к и й э к з а м е н нам, людям.

Да, евангелисты не справились с материалом, что и не удивительно. Буркнули про волхвов — и побежали дальше, забыв до финала текста. Назвали Иосифа Аримафейского *тайным учеником* “страха ради иудейска”, даже не вдумавшись в то, совместимы ли два этих понятия. Измыслили «воскресение» только для того, чтобы: а) продемонстрировать чудо; б) Христос имел возможность проститься с окружающими; и хотя он ходил и учил 40 дней, но говорил, согласно синоптикам, что-то “столь малозначительное”, что они даже не сочли нужным вставить это в текст. Потом затосковал среди них, сказал, мол, пора к Отцу, и отбыл по вертикали, не наблюдаемый, однако, в облаках в качестве материального объекта.

Видно, где-то кончилась хроникальность и началась “литература”, кончились факты и последовала имитация оных.

Так только в профанной среде, где евангелия — это то, что было написано о Христе во второй половине первого века нашей эры. В орденском братстве всё иначе: всё умное, великое, возвышенное, гениальное, что было после Рождества Христова, есть **одно большое Евангелие**.

Всё — только от Него, только волей Его, только во благо Его.

И это всё — о Нём.

Ибо Он есть альфа и омега вдохновения, мыслей и чувств каждого *рыцаря*, каждого *всадника*, каждого *шевалье*. Потому-то Пилат и не мог не отреагировать, а отреагировав — не мог проиграть, он пробудился для любви, а более высокого объекта для любви невозможно вообразить. *Пятнадцати* строк Пилатова выворачивания наизнанку в сжигающем дотла любовном признании достаточно, чтобы исчерпать до дна смысл его личности и судьбы. Но какая смысловая бездна зависает в снисходительных ответах его собеседника!

Английская мистическая писательница Мария Корелли¹¹ в романе-евангелии «Варавва» реконструировала многие из упущений синоптиков, в частности “не потеряла” вольноотпущенника литостратона. Варрава сделался у неё после помилования адептом Христа; проследила она и жизнь одного из волхвов — Мельхиора, который был в Иерусалиме во время событий и стал наставником Вараввы постфактум. В первой части романа по-орденски скрытный и немногословный Мельхиор в разговоре с Петром слегка приоткрывает завесу:

“Пётр посмотрел на него усталыми, тревожными глазами.

— Ты верно из Египта, — сказал он. — На тебе лежит отпечаток той страны, где люди преимущественно занимаются летописями.

Мельхиор спокойно встретил этот взгляд.

— Не беспокойся обо мне, падший ученик Истинного Бога! — ответил он. — Откуда я, или куда иду, так же безразлично, как внезапное перемещение песчинки, перенесённой ветром. <...>

Пётр посмотрел на него ещё пристальней.

— Ты тоже был Его учеником? — спросил он.

— Лучше спроси меня, чувствую ли я тепло солнца и его блеск! — ответил Мельхиор. — *Но эти тайны не для твоего народа, Пётр, и не для нашего времени...* Я был и всегда буду иностранцем в Иудее.

Он говорил мягко, но уверенно, с видом, не поощряющим дальнейшее любопытство.

Пётр продолжал на него смотреть, потом вздохнул.

— Да будет по твоему желанию! — сказал он. — Но воистину, глядя на тебя, я невольно вспоминаю странную историю, которую мне передали о том, что некоторые цари из дальних стран пришли поклониться Господу в Вифлееме в ту ночь, когда Он родился. Действительно, странная история! Я

¹¹ Роман «Варавва» переведён на русский язык княгиней Е. Ф. Кропоткиной и был издан в Санкт-Петербурге в 1902 году в крупнейшем религиозном издательстве И. Л. Тузова. До этого произведения Марии Корелли печатал оккультный журнал «Ребус», имя её было хорошо известно русской интеллигенции. «Варавва» стал подлинным литературным событием, и долгое время был образцовым сочинением беллетристической христологии. Судя по многочисленным переключкам, Булгаков тщательно изучал роман Марии Корелли и ориентировал свой текст на её духовные открытия. Отсюда тема *трусости* и *ненавистной всесветной славы* (у Корелли это касается прежде всего Иуды), *грозы* и *тучи* над Иерусалимом, настойчивая тема *Египта* в связи с Иешуа и многое другое.

часто задумывался над тем, как они могли узнать самый день и час; кроме того были ещё волхвы с Востока... — он остановился, а потом быстро прибавил: — Ты может быть один из них?

Мельхиор покачал головой, с почти незаметной улыбкой.¹²

Булгаков довёл эту ситуацию до заоблачных высот, между тем как эзотерический «нерв» диспозиции — тот же.

Значит что? со стороны Иешуа — снисходительный обман и милосердная престижизитация, дабы утешить великовозрастного дитяню?

В конце второй части «Вараввы» между Мельхиором и Симоном Киринеянином происходит такой разговор:

“Симон, приподнявшись с колен, посмотрел с некоторым любопытством на говорившего.

— Отчего должно пройти долгое время? — спросил он. — ... Или ты обладаешь иными тайнами, чем все люди?

— Если бы я в этом сознался, это было бы ложное хвастовство, — ответил Мельхиор медленно, — и о скрытых предметах я не могу тебе говорить. Но одно я тебе скажу. В юных годах я был царём¹³, нет, ты не удивляйся. Когда Христос родился в Вифлееме, я имел видение; ангел предо мной стоял, говоря: «Встань, Мельхиор, будь первым царём, отказавшимся от своего царства. Пойди в Вифлеем Иудейский, там ты найдёшь новорождённого Бога, Наследника мира, который соединит в одно все народы мира и свяжет человечество с Небесами великолепием Своего Вечного Имени».

Он остановился, восхищённый собственными воспоминаниями.

Симон внимал ему, удивлённый и очарованный.

— Ангел исчез, — продолжал он, — и я мгновенно встал, пошёл и не медлил по пути, пока не достиг Вифлеема. Там я сложил свой венец к ногам Младенца-Марии и воздал Ему клятву верности. Я следил за Ним с самой колыбели до креста; теперь я за Ним последую с раскрытого гроба до отверстых райских врат”.¹⁴

Получается, что в разговоре с Петром Мельхиор лукавил?

Лукавил, но не врал. Он лишь отрицал свою принадлежность к «волхвам Востока» (что соответствует истине), но использовал эту правду для ловкой маскировки всего остального.

Так же и Иешуа. Хотя у Него, как у воплощённой Истины, возможностей маневра гораздо больше. Он может говорить всё, что ему заблагорассудится, ибо не Он должен подстраиваться под факты, а факты под Него. Он гасит грызущую память у того, кто на мгновение запоздал с принесением клятвы и чья верность потом была испытана на совесть. Отсюда иронически-ласковое “клянусь” в устах Иешуа. — И это наперекор обезображенному лицу! Воистину, всемогущество Планетарного Логоса — не знает пределов!

¹² Мария Корелли. Варавва. СПб, 1902; 155-156 (ред. и курсив мои. — ОК).

¹³ Имя «Мельхиор» означает «мельки» (ивр.) — царь и (лат.) «аур» (ор) — золото; т. е. «золотой царь»; его дар Христу-младенцу — *золото*.

¹⁴ Там же; 360-361 (курсив мой. — ОК).

Вот что такое для рыцаря *клятва*.

Итак, Мельхиор, как и все остальные “поклонники Иешуа”, остался верен Ему, в отличие от “учеников” и “пациентов”.

“— Знаешь ли ты, — спросил Симон внезапно, — что Пётр вернулся из Вифании и смело проповедует о Христе, распятом и воскресшем?

— Он проповедует? — переспросил Мельхиор, и голос его прозвучал грустно. — Он, наконец, набрался смелости и этим хочет искупить свой грех. У него странная судьба, ибо *полмира будет веровать так, как научит его тот, кто отрёкся от своего Учителя!*

И с глубоким вздохом он отвернулся от созерцания города”¹⁵

И уже специально для автора МиМ:

“— Это символическое учение Бога немногие из нас способны понять. На горе Голгофе разыгралась единственная трагедия мира, трагедия любви и милосердия, принесённых в жертву людской злобе! *Но любовь и милосердие бессмертны, а бессмертие всегда победит*; поэтому в предстоящие мрачные дни мы не должны терять мужества и упований”¹⁶

Примечательно, что Мария Корелли построила свой роман по-орденски: в каждой из двух частей его по 22 главы, таротный камертон Булгаков мог получить и отсюда. Что такое членение «Вараввы» не случайно, видно из заключительных строк повествования, приводящих всё к единому истоку откровения:

“Они спустились с горы. Через долину они медленно пошли, направляясь к таинственной стране — Египту, где пирамиды величественно возвышаются к синим небесам, и глубокий Нил таинственно шепчет о забытых богах”¹⁷

И действительно, небесный Нил протекает уже в Надземном и, следовательно, Трансцендентное нигде так не близко к земле, как в «стране Кеми».

Поэтому и великий проводник в царство мёртвых, собакоголовый бог Анубис, осеняет своим благим присутствием начало и конец гениальных пятнадцати строк. Он выглядывает из последнего слова перед ними («договориться») и заканчивает собой («нёс») их жемчужную россыпь.

Пилат в критических обстоятельствах того страшного дня всё делал “по мере своих сил” (а обстоятельства требовали перебора чрез меру — *чрезмерности*), и Иешуа нежно намекает ему об этом своим удивительным «померещилось» исключительно в педагогических целях. «Лежачего — не бьют»; а Пилат навсегда остался перед Ним, Победителем, в этой униженной позе. — Только *как воин*, а не *как человек*. Хватит с Главы Ведомства Милосердия и одного раба.¹⁸

¹⁵ Там же, 362 (ред. и курсив мои. — ОК).

¹⁶ Там же, 362 (ред. и курсив мои. — ОК).

¹⁷ Там же, 362 (ред. и курсив мои. — ОК).

¹⁸ Булгаков взял это последнее слово, вложенное в уста Воланда из Достоевского: в разработках концепции романа «Идиот» Ф. М. подчёркивал, что Рогожин именно *раб* Настасьи Филипповны, потому и зарезал её вместо Мышкина — бестрепетной рукой. На то же покушался и Левий Матвей по отношению к Иешуа.

“Тогда лунный свет вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны. Луна властвует и играет, луна танцует и шалит. Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека. Иван Николаевич сразу узнаёт его. Это — тот номер сто восемнадцатый, его ночной гость. Иван Николаевич во сне протягивает к нему руки и жадно спрашивает:

— Так, стало быть, этим и кончилось?

— Этим и кончилось, мой ученик, — отвечает номер сто восемнадцатый, а женщина подходит к Ивану и говорит:

— Конечно, этим. Всё кончилось и всё кончается... И я вас поцелую в лоб, и всё у вас будет так, как надо”.

Кода Романа, начинающаяся с двукратного “Но не у всех!”, перенасыщена *луной*, кипит и булькает лунной алхимической возгонкой, растворяя всё в её амальгамной поэтике. Из 25-кратного повторения названия ночного светила (и производных) 7 приходится на слово *полнолуние* (т. е. *полный нуль*), а остаток в 18 «лун» закрепляется больничным номером *мастера* (слово это исчезает из текста), повторённым ещё дважды. Так что “трижды восемнадцатый” сосед Ивана Понырёва по дурдому обозначен с полной гностической определённостью: *лунатик*, встрявший между *волком* (Пилатом) и *собакой* (Бангой).

Самое замечательное то, что после 21-ой *луны* в точном соответствии с содержанием 21-го аркана из Ивана Николаевича снова выглядывает прежний Иванушка. Преображение происходит в связи с явлением ему “номера сто восемнадцатого” со своей небесной подругой, который навещает находящегося в светлой протрации ученика. Это уже прямая манифестация и намёк: подопечным *мастера* является обобщённый русский Иван-дурак, нырнувший (*Понырёв*) в котёл Млечного пути, хотя до сих пор ещё не вынырнувший. Как наследник, он победитель (*Николаевич*), но пока, вроде головастика, видит небо лишь сквозь воду недоразвитости.

Однако финал великой истории Иешуа и Пилата ему известен, т. е. тайны судеб человечества от него не скрыты. Душа его чиста, а ум — дело наживное.

“Она наклоняется к Ивану и *целует его в лоб*, и Иван тянется к ней и всматривается в её глаза, но она отступает, отступает и уходит вместе со своим спутником к луне...”

Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом”.

Поцелуй в лоб со стороны философского Маргарита — или, что вернее, Софии Премудрости Божией — чрезвычайно много обещает в будущем, “когда спящий проснётся”, а пока оборачивается “счастливым лицом” поднадзорного.

“Наутро он просыпается молчаливым, но совершенно спокойным и здоровым. Его исколотая память затихает, и до следующего полнолуния профессора не потревожит никто: ни безносый убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат”.

Так заканчивается эта фантастическая по грандиозности вербальная постройка — **лучшее из написанных произведение о Христе.**

Человечество долго шло к этой правде, собирая по крупичкам утерянное из-за невежества и небрежения. Россия более ста лет непрерывно работала над этой темой. Нужны были недостающие *свидетельства очевидца*, и такой очевидец нашёлся. Им оказался сам Сатанаил, “поправивший” простецов в самый дикий разгул атеизма.

Кто же создал ему условия наибольшего благоприятствования, атмосферу приязни и вступил в диалог? — «Русские мальчики»: Лермонтов, Врубель и Булгаков. И что характерно, все три — *Михаилы*.

Значит, Метатрон позаботился о Старшем Брате — первом и лучшем создании Божества, — взявшем на себя бремя обслуживать *минус*. Вечно замаскированный и уходящий, сделав своё дело, в тень, без которого *нельзя* быть ни Небу, ни земле, непрерывно напрягающий стремящийся к энтропии ансамбль материальностей, постоянно подворачивающий тарелки гаснущих в своём вращении галактик, великий работник и труженик, — только в русском духовном менталитете он встретил отклик, доброжелательность и расположение. Немудрено, что России первой он вручил *ключи понимания* и *ларец правды*. Его свидетельства о воплощении любимого Брата оказались самыми надёжными и при посредстве трёх Михайлов стали ныне достоянием мировой духовной культуры и вошли в её живой гностический оборот.

Кто из живущего ныне на Земле грамотного человечества не знает, кто такой Воланд? И кто теперь посмеет не знать, кто такой Иешуа Га-Ноцри?

Именно Воланд урезонил взрыв неонеандертальской дикости тоталитарных режимов и вернул человечество в божеское состояние. И вообще, не он *учит*, он только *экзаменует*. И если для некоторых это равносильно *мучит* — тем хуже для них.

Ибо Младший Брат заодно со Старшим по ту сторону бытия. Хотя по сию может возникнуть иллюзия антитезы. Но это не бóльшая оппозиционность, чем между понятиями *фон* и *антифон*. Единство Небесного руководства Землёй исключает малейшее межведомственное недоразумение.

Поэтому у зла нет палат в Небесах, нет адептов, солдат и товарищей. Оно всё *здесь*, среди нас, в нашем мозгу и воображении. Оно осадочно и “глинозёмно”. **Свет** — абсолютен и непобедим. Вот что, как непреложную истину, доказывает Булгаковская двуединая формула: Милосердие и Справедливость, Мастер и Маргарита, Воланд и Иешуа.

Эта штука посильнее «Фауста» Гёте.